

Обстоятельства гибели Вадима до сих пор остаются невыясненными. В статье «И это все о нем» (Озерский вестник. – 2001. – № 27) со слов родителей Вадима рассказывается, что после того январского письма повисло молчание. Они не находили себе места, писали сыну каждую неделю, надеясь, что хоть какое-нибудь из писем дойдет. Но ответа не было. Тогда Кожины стали каждый день звонить в Москву на «горячую линию» с базой данных о погибших и раненых. Звонили – и боялись услышать имя своего сына. 11 февраля 2000 года по этой «горячей линии» им сообщили, что их сын погиб 30 января. В ростовском центре судебно-медицинской экспертизы, куда приехали родители Вадима на опознание, им выдали справку, в которой значилось, что смерть наступила в результате множественной осколочной взрывной травмы. Там же, в Ростове, Кожины узнали, что полк, в котором служил Вадим, расформирован и выводится из Чечни...

В той же статье, посвященной памяти Вадима Кожина, приводятся воспоминания о нем его родителей, учителей, друзей.

Говорят родители Вадима: «Он рос крепким и выносливым, не знал простуд. Как многие мальчишки, увлекался спортом: сначала плаванием, позже дзюдо, американским футболом. Два года ходил в секцию бокса – готовился к армии, говорил нам: „За меня не беспокойтесь, меня никто не обидит“».

А вот как вспоминают своего ученика учителя Вадима: «Он выделялся среди ребят целеустремленностью. Воспитанный, всегда в хорошем настроении, выдумщик и балагур: ни одно мероприятие в классе не обходилось без Вадима. За ним тянулись мальчишки. Вадим был бы отличным семьянином, в нем была хозяйственная жилка: проучившись в колледже полтора года, Вадим решил, что должен начать самостоятельно решать свои финансовые проблемы и стал работать, сначала продавцом мороженого, потом в пекарне. Но учеба всегда оставалась у него на первом плане. Вадим мог бы без проблем поступить в институт, но решил, что не будет сидеть на родительской шее, пойдет работать на завод, если придется – отслужит в армии. А после можно работать и учиться на вечернем. У Вадима были большие планы на жизнь...»

Воспоминания однокурсников о друге – самые живые и яркие: «С Вадимом было легко и интересно. Он затевал вечеринки, вытаскивал всех на при-

роду. Мог на ходу сочинить четверостишие. Был душой компании. Силе воли Вадима можно было позавидовать – однажды он бросил курить и потом даже в армии не прикасался к сигаретам. Он всех любил и все любили его. Его любимым выражением было: „Улыбнись!“. Вадим был лучше всех нас...»

Он не успел окончить институт, выучить английский язык, стать директором завода, вырастить сына-спортсмена... Ему всегда будет 21...

Чечню мы знаем не по слухам,
Высоты все исколесив.
Мы трассерами «брили» «духов»,
Береты набекрень скосив!

Ревет мотор, колеса вязнут,
Здесь автомат отца родней.
Обдаст со скал свинцовым градом,
Мы хоронили здесь друзей...

Сверкнет закат кровавым солнцем,
Спиной солдат закроет друга!
Накроет ночь нас черным блюдцем,
Не выйдет рота из-под круга!

Мы в окружение попали,
И с трех сторон под горло режут!
И кровь с землей слилась под нами,
В ушах стоит затворов скрежет...

Напрасно ждали мы подмогу,
Вертушек ждали грозный рев,
Напрасно мы молились Богу,
И зря радист орал взახлеб...

Упал комбат... И друг не дышит...
И в этом пекле мы одни!
И в штабе нас никто не слышит,
Мы видим лишь стволов огни.

Рассвет настанет через час,
Но знаем точно – не дотянем...
Дождем свинцовым кроет нас,
Но перевал мы не оставим!!!

Настал рассвет... Утихли взрывы...
Не слышно свиста трассеров...
А перевал устлал трупы
Двадцатилетних пацанов...